

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 (20)

2017

Главный редактор

член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **А.Г. Ситдиков**

Заместители главного редактора:

член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**

доктор исторических наук **Ю.А. Зеленев**

Ответственный секретарь – кандидат ветеринарных наук **Г.Ш. Асылгараева**

Редакционный совет:

Р.С. Хакимов – вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)

Х.А. Амирханов – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)

И. Бальдауф – доктор наук, профессор (Берлин, Германия)

С.Г. Бочаров – кандидат исторических наук (Симферополь, Россия)

П. Георгиев – доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)

Е.П. Казаков – доктор исторических наук (Казань, Россия)

Н.Н. Крадин – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)

В.С. Синика – кандидат исторических наук (Тирасполь, Молдова)

А. Тюрк – PhD (Будапешт, Венгрия)

И. Фодор – доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)

В.Л. Янин – академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

А.А. Выборнов – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)

М.Ш. Галимова – кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Р.Д. Голдина – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)

И.Л. Измайлов – доктор исторических наук (Казань, Россия)

С.В. Кузьминых – кандидат исторических наук (Москва, Россия)

А.Е. Леонтьев – доктор исторических наук (Москва, Россия)

Т.Б. Никитина – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)

Ответственный за выпуск:

Б.Л. Хамидуллин – кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Адрес редакции:

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан, 2017

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2017

© Журнал «Поволжская археология», 2017

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Deputy Chief Editors:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences **F. Sh. Khuzin**
Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zelenev**
Executive Secretary – Candidate of Veterinary Sciences **G. Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

- R. S. Khakimov** – Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)
Kh. A. Amirkhanov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)
I. Baldauf – Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)
S. G. Bocharov – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of Crimea of Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation)
P. Georgiev – Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)
E. P. Kazakov – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
N. N. Kradin – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)
V. S. Sinika - Candidate of Historical Sciences (T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University, Tiraspol, Moldova)
A. Türk – PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)
I. Fodor – Doctor of Historical Sciences, Professor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)
V. L. Yanin – Doctor of Historical Sciences, Professor (Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

- A. A. Vybornov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)
M. Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
R. D. Goldina – Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)
I. L. Izmaylov – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
S. V. Kuzminykh – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
A. E. Leont'ev – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T. B. Nikitina – Doctor of Historical Sciences (Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue – Candidate of Historical Sciences **B. L. Khamidullin**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

http://archaeologie.pro

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2017

© Mari State University, 2017

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Journal, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования и публикации

<i>Khuzin F.Sh., Valiulina S.I., Shakirov Z.G. (Kazan, Russian Federation).</i> 50 th Anniversary of Bilyar Archaeological Expedition: results and issues of Great Town investigation.....	8
<i>Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С. (Алматы, Казахстан).</i> О древнем ритуале порчи предметов, используемых в обряде погребения кочевников	28
<i>Голдина Р.Д., Бернц В.А. (Ижевск, Россия).</i> Хронология женских погребений III–V вв. Тарасовского могильника.....	47
<i>Казанцева О.А., Нагиев З.Ш. (Ижевск, Россия).</i> Погребение тяжеловооруженного всадника в Кудашевском I могильнике.....	73
<i>Лифанов Н.А. (Самара, Россия).</i> О происхождении образа драконов на пластине из Шиловского могильника	91
<i>Чижевский А.А., Хисяметдинова А.А., Вязов Л.А., Салова Ю.А. (Казань, Россия).</i> Исследования вала городища Балымерский «Шолом» в 2014 г.....	108
<i>Жилина Н.В. (Москва, Россия).</i> Сравнительный анализ хазарского и славяно-русского убора из украшений к костюму.....	127
<i>Руденко К.А. (Казань, Россия).</i> О хронологии восточного импорта в Волжскую Булгарию в X–XI вв. (по материалам торевтики).....	157
<i>Орфинская О.В. (Москва, Россия).</i> Анализ кроя мужских кафтанов и женских платьев алан Северного Кавказа.....	173
<i>Никитина Т.Б., Пузаткина Е.А. (Йошкар-Ола, Россия).</i> Русенихинский могильник: междисциплинарный подход к изучению памятника.....	187
<i>Бочаров С.Г. (Симферополь, Россия).</i> Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV–XV вв. Консульство Чембальское.....	204
<i>Федотова Ю.В., Валеева-Сулейманова Г.Ф., Визгалова М.Ю. (Казань, Россия).</i> Головной убор из погребения женщины XIV в. на территории г. Болгара (тюрбан с золотым шитьем и сетчатым покрывалом).....	224

<i>Набиуллин Н.Г., Беляев А.В., Храмченкова Р.Х., Шайхутдинова Е.Ф., Янбаев Р.М. (Казань, Россия).</i> Чугунная посуда Джукетау: предварительные результаты междисциплинарных исследований.....	236
<i>Бахматова В.Н., Ситдилов А.Г. (Казань, Россия).</i> Районы и места отбора исходного сырья в гончарном производстве Болгара: источники и проблемы идентификации (по материалам аналитических исследований).....	255
<i>Мухаммадеев А.Р. (Казань, Россия).</i> Проблемы изучения и сохранения историко-археологических памятников Болгар на страницах печати начала 1920-х гг.....	282
<i>Семькин Ю.А. (Ульяновск, Россия).</i> Проблемы сохранения и использования археологического наследия в Ульяновской области.....	288
<i>Гайнуллин И.И., Хомяков П.В., Ситдилов А.Г., Усманов Б.М. (Казань, Россия).</i> Качественная оценка состояния средневековых городищ Республики Татарстан по данным дистанционного зондирования	303

Критика и библиография

<i>Щавелёв С.П. (Курск, Россия).</i> Рецензия на книгу: А.Н. Ткачёв. Археологи Кубани и Северо-Западного Кавказа (1917–1991 гг). Библиографический словарь-справочник. Краснодар, 2016. 346 с	321
--	-----

Хроника

<i>Ситдилов А.Г., Каримов И.Р. (Казань, Россия).</i> Об основных итогах научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии Наук Татарстана в 2016 году	330
<i>Беляев А.В., Валиев Р.Р., Ситдилов А.Г. (Казань, Россия).</i> VI научный семинар «Междисциплинарные археологические и естественнонаучные исследования памятников культурного наследия: Болгар и Свияжск»	344
<i>Кузьминых С.В. (Москва, Россия).</i> «Хорошо, что из тысячи судеб ты смогла отыскать лишь свою»: К юбилею Н.А. Кокориной	349
Список сокращений	362
Правила для авторов	364

CONTENTS

Researches and Publications

<i>Khuzin F.Sh., Valiulina S.I., Shakirov Z.G. (Kazan, Russian Federation).</i> 50 th Anniversary of Bilyar Archaeological Expedition: results and issues of Great Town investigation.....	8
<i>Beisenov A.Z., Dzhumabekova G.S. (Almaty, Kazakhstan).</i> Ancient Item Spoilage Ritual Used in Nomadic Burial Rite.....	28
<i>R.D. Goldina, V.A. Bernts (Izhevsk, Russian Federation).</i> Chronology of 3 rd –5 th Century Female Graves from Tarasovo Burial Ground.....	47
<i>Kazantseva O.A., Nagiev Z.Sh. (Izhevsk, Russian Federation).</i> Burial of a Man-At-Arms in Kudash I Burial Ground.....	73
<i>Liphanov N.A. (Samara, Russian Federation).</i> On the Origin of the Dragon Image on the Plate from Shilovka Burial Mound.....	91
<i>Chizhevsky A.A., Khisiametdinova A.A., Viazov L.A., Salova Yu.A. (Kazan, Russian Federation).</i> Investigations of a Rampart of Balymer Sholom Hill-Fort in 2014	108
<i>Zhilina N.V. (Moscow, Russian Federation).</i> Comparative Analysis of the Khazar And Slavic-Russian Attire of Adornments	127
<i>Rudenko K.A. (Kazan, Russian Federation).</i> On the Chronology of Oriental Import into Volga Bulgaria in 10 th – 11 th Centuries (according to toreutics materials)	157
<i>Orfinskaya O.V. (Moscow, Russian Federation)</i> An Analysis of the Style of Male Caftans And Female Dresses of the Alans from the North Caucasus.....	173
<i>Nikitina T.B., Puzatkina E.A. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).</i> Rusenikha Burial Ground: interdisciplinary approach to monument investigation.....	187
<i>Bocharov S.G. (Simferopol, Russian Federation).</i> Notes on Historical Geography of 14 th –15 th Century Genoese Gazaria. Chembalo Consulate.....	204
<i>Fedotova Yu.V., Valeeva-Suleymanova G.F., Vizgalova M.Yu. (Kazan, Russian Federation).</i> Headdress from a Female Burial of 14th Century in the Territory of Bolgar (a turban with goldwork and a knit veil)	224

<i>Nabiullin N.G., Beliaev A.V., Shaikhutdinova E.F., Khramchenkova R.Kh., Ianbaev R.M. (Kazan, Russian Federation).</i>	
Cast Iron Dishware from Juketau: preliminary interdisciplinary research results.....	236
<i>Bakhmatova V.N., Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation).</i>	
Areas and Locations of Feedstock Extraction for Bolgar Pottery: sources and identification issues (on the basis on analytical investigation materials).....	255
<i>Mukhamadeev A.R. (Kazan, Russian Federation).</i>	
Issues of Studying and Preservation of Historical and Archaeological Monuments of Bolgar in Periodicals of Early 1920s.....	282
<i>Semykin Yu.A. (Ulyanovsk, Russian Federation).</i>	
Conservation and Use of Archaeological Heritage in Ulyanovsk Oblast.....	288
<i>Gainullin I.I., Khomyakov P.V., Sitdikov A.G., Usmanov B.M. (Kazan, Russian Federation).</i>	
Qualitative Assessment of the Condition of Tatarstan Medieval Fortified Settlements Under the Data of Remote Sensing.....	303

Critics and Bibliography

<i>Schaveliov S.P. (Kursk, Russian Federation).</i>	
Book Review: A.N. Tkachev. Archaeologists of Kuban and the North-West Caucasus (1917–1991). A Bibliographic Dictionary and Reference Book. Krasnodar, 2016. 346 P.....	321

Chronicle

<i>Sitdikov A.G., Karimov I.R. (Kazan, Russian Federation).</i>	
Key Results of Scientific Activities of the Institute of Archaeology Named After A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences in 2016	330
<i>Beliaev A.V., Valiev R.R., Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation).</i>	
6 th Scientific Seminar “Interdisciplinary Archaeological And Natural Scientific Investigations of Cultural Heritage Monuments: Bolgar And Sviyazhsk”.....	344
<i>Kuzminykh S.V. (Moscow, Russian Federation)</i>	
“Good that You Were Able to Find Their Only Destiny Among the Thousands of Fates” To the Anniversary of N.A. Kokorina.....	349
List of Abbreviations.....	362
Submissions.....	364

УДК 903.5(4/5)

DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2017.2.20.28.46>

О ДРЕВНЕМ РИТУАЛЕ ПОРЧИ ПРЕДМЕТОВ, ИСПОЛЪЗУЕМЫХ В ОБЪЯДЕ ПОГРЕБЕНИЯ КОЧЕВНИКОВ¹

© 2017 г. А.З. Бейсенов, Г.С. Джумабекова

В статье рассмотрены находки предметов в древних захоронениях, которые были намеренно испорчены перед тем, как были положены в могилу. Как в хронологическом, так и в географическом отношении эта традиция была распространена очень широко и поэтому она не связана с какими-то отдельными культурами или регионами. Авторы фиксируют новые сведения об этом ритуале, выявленные при изучении могильника среднего сарматского периода Борсык, находящегося в Западном Казахстане. В центральной могиле кургана 6 находился сильно поврежденный бронзовый котел. Захоронение в древности было ограблено. В могиле найдены разбросанные отдельные кости человеческого скелета, мелкие украшения из золотой фольги от парадного костюма представителя высокого социального ранга. Авторы предполагают, что котел был намеренно деформирован участниками древнего погребально-поминального ритуала. Основная гипотеза о сущности такого ритуала сводится к тому, что порча предметов была связана с идеей предания таким предметам «других», «потусторонних», качеств, которые вытекали вследствие необходимости похоронить владельца. Котлы играли важную роль в жизни степных вождей. Авторами предполагается сакральный характер использования котла (чаши) в культуре степных народов, связанный с пиром, битвой, священной охотой. Возможно, существовала традиция хоронить котлы с их владельцами, предварительно совершив порчу предмета в связи с представлениями об ином мире и роли вождя-героя в нем.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, средний сарматский период, Западный Казахстан, ритуальная порча предметов, бронзовый котел.

В 2015 году экспедицией Института археологии МОН РК были проведены раскопки курганов могильника Борсык в Атырауской области (Казахстан). Один из них – № 6 – был разграблен. В нем сохранился один элемент сопроводительного предметного комплекса – бронзовый (?) котел (рис. 1).

У котла деформированное, полу-сферическое тулово, две вертикальные ручки с тремя выступами и две

ручки-петельки под венчиком. В верхней части тулова проходит горизонтальный шов. От ручек отходят вниз прямые рельефные валики – «усы». Наибольший диаметр деформированного котла по устью – 1,05 м; высота около 60 см; высота ручек – 12 см. Поддон отсутствует. Судя по тому, что заклепки в донной части котла не выявлены, поддона не было изначально. Сосуд поврежден – в стенках сосуда фиксируются многочисленные отвер-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и образования Казахстана. Проекты: № 2987/ГФ4 «Древние котлы казахской степи: анализ одной категории предмета во времени и пространстве»; № 2982/ГФ4 «Сарыарка в системе культур раннего железного века степной Евразии».

Рис. 1. Котел из могильника Барсык, курган 6.

Fig. 1. The Cauldron of Barsyk burial, Kurgan 6.

ствия, нанесенные механическим путем. Котел лежал на боку.

По классификации бронзовых котлов Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, разработанной С.В. Демиденко, данный сосуд можно отнести к типу VII – котлы с полусферическим туловом с сужающимися к устью стенками, без поддона. Вариант 2 – сосуды с двумя вертикальными петле-видными ручками и двумя ручками-петлями под венчиком. Подвариант 2 – орнамент в виде «веревочки».

Следует отметить, что котлы VII типа концентрируются в бассейне р. Урал и в Южном Приуралье.

Котлы этого типа датируются 2 половиной I в. до н. э. – 1 половиной I в. н. э. Они входят в группу, для которой зафиксировано использование в обряде погребений парных котлов. В качестве второго сосуда часто используется маленький котелок с носиком-

сливом. Но в чаше в могилу клали по одному котлу. В составе инвентаря этих погребений выделяется характерный стандартный набор: котел, сероглиняные или черноглиняные сосуды, бронзовые зеркала, импортная металлическая гончарная или стеклянная посуда. С этой группой погребений связывают наибольшее количество котлов, обнаруженных в тайниках на дне могильной ямы. Котлы были намеренно повреждены, иногда даже разбиты и разбросаны по дну могильной ямы.

Котлы 2 половины I – 1 половины II в. н. э. демонстрируют возрождение савроматской традиции использования в погребальном обряде парных котлов. Специалисты выявили, что котлы в погребениях этого периода фиксируются в основном на уровне погребенной почвы на материковом выкиде из могилы и в самом погре-

бении. В этот период появляются котелки с зооморфными ручками. Все погребения характеризуются богатством и разнообразием инвентаря. Часто встречаются целые котлы, хотя продолжается обычай полного уничтожения котла и разбрасывания его по дну могилы.

Металлические котлы в ареале савроматской культуры, судя по данным К.Ф. Смирнова, выявляются как в курганах, так и при случайных обстоятельствах. В могилах они найдены под насыпью кургана на уровне древней поверхности; в специальном углублении; в могиле у изголовья или недалеко от скелета; на ножке, реже вверх дном. Фиксируются следы копоти на стенках котла, кострища, зола на месте находок. Прослеживаются принципы расположения котлов: курганы занимают командные высотные отметки на местности, в могиле фиксируется большой набор вооружения. Инвентарь, сопутствующий котлам, следующий: оружие, каменные жертвенники, бронзовые зеркала, бусы, гребень, сосуд, кости животных. Обстоятельства, при которых находят металлические котлы, говорят о том, что они могли предназначаться для снабжения умершего посмертной пищей; о том, что какие-то из них использовались при совершении погребально-поминального обряда (зола, уголь, копоть) (Смирнов, 1964, с. 199–200, 210–211).

Постепенно, к сарматскому времени, ситуация меняется. Захоронения лиц высокого социального статуса значительно выделяются по своим размерам и составу сопровождающего инвентаря. В частности, в Южном Приуралье выделяются погребения военачальников и женщин-жриц

(Мошкова, 1989). Металлическая посуда более характерна для таких погребений. Исследователи отмечают закономерность: наибольшее количество металлической посуды отмечено на Нижнем Дону и в междуречье Дона-Волги, где сосредоточены очень богатые сарматские могилы. Отсутствие в Южном Приуралье котлов и др. металлических сосудов, как и малое количество среднесарматских захоронений, сопровождается отсутствием богатых могил. Предполагается использование металлических котлов при отправлении культовых церемоний (Мошкова, 1989, с. 182).

Металлические котлы обнаруживались как случайно, так и в курганах сарматской знати. Положение их также различно: в погребальной камере и под насыпью, в перевернутом виде, на боку или в вертикальном положении, поврежденные или нет, с костями животных внутри и без. Анализируя сарматские погребения с бронзовыми котлами, исследователи пришли к заключению об их знаковой роли, связи с какими-то культовыми отправлениями (Мухопад, 1986; Боковенко, Засецкая, 1993).

В среднесарматское время (II в. до н. э. – II в. н. э.) наибольшее количество захоронений с металлической посудой обнаружено на нижнем Дону и в междуречье Дона и Волги, где сосредоточены очень богатые сарматские могилы, единицы найдены в Заволжье и между Днестром и Бугом. В южном Приуралье в среднесарматское время ни котлов, ни других металлических сосудов пока не известно. Возможно, это объясняется и тем, что в Приуралье вообще очень мало среднесарматских захоронений, а среди них совсем нет богатых могил. По

находкам определено, что в низовьях Дона в I–II вв. н. э. находился центр крупного и богатого сарматского объединения. Здесь в I в. до н. э. – I в. н. э. зафиксированы котелки на тризнах богатых погребений.

В позднесарматское время (II–IV вв. н. э.) находки котлов сосредоточены в Южном Приуралье, где известны захоронения аристократической дружинной верхушки. Преимущественное положение котлов в погребениях позднесарматского этапа – у края могильной ямы, на уровне древней поверхности, а также в могильной яме, часто вверх дном или лежащими на боку.

В III–II вв. до н. э. основную силу сарматского общества составляли аристократические дружины. В I в. до н. э. – IV в. н. э. история сарматских племен характеризуется военными походами. В этот период происходит интенсивный процесс классообразования: обособление «царей» и племенной верхушки, выделяющейся богатством и влиянием на рядовых соплеменников, а также рядового свободного населения и неимущих слоев. Усиливается роль аристократической дружины, дружинники становились профессиональными воинами (Хазанов, 1971, с. 67–68, 82–85). Именно I в. до н. э. – I в. н. э. датируются I и II типы котлов (по Н. Боковенко), из которых I тип имеет форму, размеры и декор, напоминающие в какой-то мере кубки, и по обстоятельствам находок – это, скорее всего, не бытовая посуда. II тип котлов отмечен на «тризнах», в курганах сарматской знати. Можно предположить, что такие котлы могли использоваться для каких-то обрядовых действий при погребении, связанных, например, с героизацией

умершего (погибшего). Е.Ф. Королькова определяет их как котелки-курильницы (2003а, с. 55)

В каталоге, составленном С.В. Демиденко, отмечены сосуды этой категории, которые имеют повреждения (Демиденко, 2008, с. 85–116). В нашей сводке также отмечены довольно многочисленные случаи повреждения котлов в погребениях савромато-сарматского времени. Нельзя, конечно, однозначно утверждать, что повреждения нанесены перед тем, как они были помещены в могилу, или они уже были к тому моменту повреждены в ходе использования? Возможно ли такое? Не всегда они находятся в вертикальном положении.

В погребальных памятниках скифов Северного Причерноморья бронзовые котлы среди инвентаря появляются с V в. до н. э. В них находилось мясо жертвенных животных. Они характерны для погребений представителей аристократии, знатных воинов. Как правило, котлы в скифских погребениях стояли на ножке, т.е. в вертикальном положении, устьем вверх, с костями жертвенных животных внутри (баран, корова, бык), в комплекте с черпаками, амфорами, глиняными сосудами и др. Обычно составляли комплект с хозяйственной утварью, посудой, занимали соответственное местоположение: в ногах между стенками саркофага и гробницы, где ставилась утварь; в камере хозяйственного назначения; в камере с предметами хозяйственного обихода; в хозяйственной нише боковой камеры; в нише с кухонным инвентарем; у выхода из погребальной камеры; рядом с погребенным слугой (служанкой). В IV–III вв. до н. э. встречаемость котлов в погребениях становит-

ся выше. В «царских» захоронениях отмечено по 2–3 котла, которые помещали в хозяйственные камеры или ниши. Погребенные воины были снабжены полным комплексом наступательного и защитного вооружения, а также бронзовым котлом с костями барана и др., по мнению исследователей, они занимали какое-то особое положение в обществе (Мелюкова, 1989, с. 58). По мнению К.Ф. Смирнова, в обществе ранних кочевников Поволжья и Южного Приуралья происходили сходные со скифскими социальные процессы, а именно: формирование строя военной демократии в VI в. до н. э., характеризующееся интенсивным разложением родового строя, ослаблением кровнородственных уз; усилением имущественной и социальной дифференциации и обособлением родовой верхушки; усилением роли дружины (Смирнов, 1964, с. 199–200, 210–211). Это, несомненно, отразилось на погребальном обряде кочевников.

В Жетысу (Юго-Восточный Казахстан, Северный Кыргызстан) условия находок котлов (более 80), на первый взгляд, заметно отличаются. Условия находок: в арыке; на пашне (в распаханном кургане?); в вертикальном срезе склона горы; на дне оврага в яме (?); на последнем уступе хребта; на нижней надпойменной террасе реки; на вершине предгорной возвышенности («прилавок»); под насыпью холма; в ущелье; у подножия горы; на дне озера; в овраге; у места впадения одной реки в другую; на глубине 2,0 м. Размеры (бронзовых котлов): Н = 13,5–78 см, Д устья = 14,5–81 см. Количество котлов в отдельных находках и кладках: от 1 до 10–12 штук. Положение сосудов также различное:

вложенные друг в друга, устьем вверх или перевернутые, с жертвенными столами, курильницами или без них, в комплексе с конскими удилами, целые или в поврежденном виде...

Таким образом, мы видим, что условия находок металлических котлов в различных регионах скифо-сакского мира отличаются. Исследователи выяснили, что металлические котлы в культуре скифов выступают как социальные индикаторы. Анализ погребальных памятников показал, что котлы сопровождали только взрослых людей и чаще мужчин. Т.М. Кузнецовой удалось выявить соответствие между параметрами котлов и числом курганов в могильнике, между числом курганных групп и числом котлов в доминирующем кургане. Проявляется зависимость между величиной скифского социума и величиной объединяющего этот социум котла. Для двух видов могильников на территории степной Скифии конца V–IV вв. до н. э. установлена закономерность: погребается только один котел в «малых» курганах или концентрируются несколько котлов, соответственно числу курганных групп, в «больших». Все памятники, где были котлы, объединяются наличием вооружения. За небольшим исключением курганы являются доминирующими в могильнике (Кузнецова, 2008, с. 185).

Котлы – не только символы (маркеры) социума, но сакральные предметы скифов, они отмечены в курганах, где были погребены представители самого высокого ранга.

Т.М. Кузнецова считает, что если деформацию («смерть») котла и его погребение можно соотнести с гибелью целых групп скифского населения, то погребение неповрежденных

форм металлического сосуда могло быть вызвано и гибелью главы социума, и разрывом дипломатических отношений, и переходом власти к представителю иного социума (Кузнецова, 2008, с. 185).

Ю.В. Болтрик и Е.Е. Фиалко возражают против таких выводов: «степненные могильники не всегда являлись усыпальницами представителей одного социума или даже этноса». Более продуктивным они считают подход, предложенный В.Н. Грицюком, который увязывает объем котла с количеством едоков. Размеры котла соответствовали количеству персон, составлявших ближайшее окружение его владельца (Болтрик, Фиалко, 2010, с. 315–316).

То, что бронзовые котлы входят в разряд предметов – показателей высокого социального ранга умерших у савроматов, – пришел к выводу В.Н. Мышкин (размеры могильных ям и курганных насыпей, сопровождающие человеческие захоронения, жертвоприношения коней, предметы социального престижа в погребальном инвентаре – гривны, жезлы, ритоны, котлы и т.п.) (Мышкин, 2011, с. 319–320).

Круг «всаднического горизонта», оставленного военизированной социальной верхушкой позднесарматского общества, выделяют М.Г. Мошкова и С.В. Демиденко, С.И. Безуглов. В состав инвентаря всаднических погребений входят длинные мечи, железные ножи, уздечные наборы. Расположение вещей в могиле регламентировано. Сосуды и котлы оставляли в ногах или у головы погребенного, очень редко – сбоку от него. Основная часть воинских позднесарматских могил сосредоточена на территории Южного Приуралья и

Нижнего Дона (Мошкова, Демиденко, 2011, с. 257–258).

В отношении погребального обряда отмечается наименьшее сходство кочевников Нижнего Поволжья и южно-уральской кочевой аристократии и близость посмертных ритуалов рядовых номадов. Выявлена близость культуры рядовых кочевников Южного Приуралья культуре населения Нижнего Поволжья, а воинско-жреческой элиты, с одной стороны, скифам Украины и Северного Кавказа, с другой, сако-массагетам Приуралья.

Практика порчи вещей в погребальных обрядах фиксируется с эпохи бронзы. Так, в насыпях курганов ирменской культуры выявлены жертвоприношения, включающие ряд предметов. Чаще встречаются бронзовые ножи, причем пять из них со сломанными лезвиями, бронзовые бляхи, кольца, браслеты, бляшки-пуговицы, серьги и серьги-подвески, альчики. О возможном ритуальном использовании этих предметов свидетельствуют факты намеренной порчи (ломки) и помещения их в огонь (прокал).

Учитывая, что помимо различных сопроводительных ритуалов значительное количество погребений ирменской культуры является нарушенными, авторы публикации не исключают существования практики постингумационного нарушения погребений с различными целями (Новикова, Дудко, 2015, с. 133–134).

Вероятно, причиной тому послужили общая мировоззренческая основа, которая начала складываться в эпоху бронзы и оформилась в героический период ранних кочевников. Проявлялось это по-разному.

Так, существует мнение, что «оленные» камни являются символически-

ми изображениями умерших воинов. Элементы предметного сопроводительного комплекса изображались на них таким образом, что преднамеренно менялось расположение предметов, как если бы они лежали в могиле (Шульга, 2015, с. 47–48). Возможно, начало, или истоки, практики преднамеренной порчи вещей у кочевников относятся к эпохе бронзы и раннесаксонского времени.

Можно предположить, что с этим погребально-поминальным ритуалом связано применение вотивных или специально изготовленных предметов сопроводительного инвентаря (необработанных, с заусеницами и т.п.), зафиксированных в погребальной практике ранних кочевников. Так, по заключению специалистов, большинство ювелирных изделий из кургана Аржан-2 было изготовлено специально для погребального наряда «царя» и «царицы» на месте похорон (Чугунов, 2011). Небрежно изготовлены золотые украшения из Чиликтинского кургана. С.С. Черников пришел к выводу о том, что их изготовили специально для погребения (1965, с. 43–44).

В погребениях ранних сарматов зафиксированы следы ритуальных действий. Фрагменты зеркал, выявленные в погребениях, различны по величине. Встречены полные диски, разбитые или разрубленные на куски. На многих зеркалах отмечены следы разрубания, сгибания-разгибания. Предполагается, что разрубание зеркал и положение их обломков в могилы было следствием каких-то действий религиозно-культового характера. Следы ритуальной порчи имеют около 25% мечей, сломан один

из наконечников копий. Велико количество преднамеренно испорченных ножей (Глебов, 2011).

По наблюдениям специалистов, в погребениях сарматского времени обычай «ломания зеркал» фиксируется от прохоровского этапа до IV–V вв. н. э. А.В. Вертиенко приводит мнения ряда ученых относительно этого обычая. Суть их сводится к тому, что это связано с обычаем намеренного повреждения предметов, используемых при погребении. Кроме того, называется ряд аспектов, обусловленных функциями такой категории предметов, как зеркало. Высказывается мнение о том, что поломанные зеркала в могилах защищают «от появления души умершего среди живых», это результат веры в большую магическую силу зеркал и их связь с душой (Вертиенко, 2014, с. 44).

Б.А. Литвинский, приведя обзор по фактам помещения разбитых зеркал в могилы, приходит к выводу о том, что «в зеркале воплощалась душа умершего и разламывание зеркала символически отражало смерть человека» (Литвинский, 1978, с. 107). Назначение половинки зеркала – для отыскания родственника или супруга в загробном мире. Может быть, поломка зеркала как души человека предохраняла от появления души умершего среди живых (Литвинский, 1978, с. 108).

К идее о семантической близости традиции переворачивания и разбиения сосуда и завешивания, отворачивания зеркал приходят на примере развития китайских бронзовых зеркал и анализа значения терминов. Глядение в бронзовый сосуд с водой имело не только практическое, утилитарное

значение, но и философское наполнение (Таиров, 2003, с. 171; Стратанович, 1961).

И, наконец, интересующая нас категория предметов – котлы. Почти все они имеют различные повреждения – смяты, носят следы ударов (пробоины, вмятины). У керамической посуды (кувшины) в древности была отбита часть горла. Зафиксированы случаи помещения сосудов в погребения в разбитом виде. Вероятно, были разбиты в древности курительницы. Реже ритуальной порче подвергались другие вещи.

Фиксируются следы огненных ритуалов в раннесарматских погребениях Нижнего Подонья. Бронзовые котлы встречены только в погребениях взрослых, чаще в мужских. В могилах котлы располагались в ногах погребенных, в большинстве случаев за стопами. Есть случаи находок котлов в нишах-«тайниках», в заполнении могил (на перекрытиях?), в насыпях курганов (Глебов, 2011, с. 67–69).

Помимо намеренного разрушения или повреждения сосудов, вообще предметов в погребениях, в погребениях скифского времени отмечены перевернутые сосуды. Относительно перевернутого положения курительницы из Усть-Хадынныга (Тыва) и каменной курительницы в кургане IV–III вв. до н. э. в Притоболье, В.А. Кисель считает, что таким образом подчеркивался момент перехода в хтонический мир (Кисель, 2007).

Особое отношение к металлическому котлу прослеживается на протяжении веков. Котел (казан) всегда занимал особое место в культуре кочевников. Он входил в цепь заключенных друг в друга изоморфных и изофункциональных локусов: центр

родовой территории – жилище – очаг – котел. Многочисленные примеры связи очага и котла со стабильной жизнью и разрушенного очага и перевернутого казана с несчастьем приводят исследователи культуры тюрков Южной Сибири. На 40 день после смерти, после совершения камлания, ждали когда прогорит огонь, родственники затаптывали кострище, произносили слова, фиксирующие состояние смерти, разрушающей связи человека с очагом, домом, родовым коллективом и расходились (Львова, Октябрьская, Сагалаев, Усманова, 1988, с. 139, 144).

Отголоски или традиция обычая намеренного повреждения вещей умершего сохранились в среде кочевников или народов с традиционным укладом жизни до этнографической современности.

Так, теленгиты, бельтиры обозначали переход человека в иное состояние, его выход из социума порчей посуды, одежды покойника.

Е.А. Алексеенко считает, что вещи умершего в процессе похоронного ритуала должны приобрести «ина-кость», утратив «необходимые в земной жизни функциональные качества». С этим представлением связано убеждение кетов, что в загробном мире поврежденное восстановит свою целостность. Основа – «идентификация в смерти ставшего ущербным человека и вещи» (Алексеенко, 2007, с. 39).

Долгане при совершении похорон клали внутрь гроба определенные вещи, необходимые умершему, при этом разбивали чашку, делали отверстия в котелке или миске (Дьяченко, 2007, с. 121). Также и нивхи ломали вещи умершего и оставляли на клад-

бище, веря, что они восстановятся в ином мире и понадобятся умершему (Таксами, 2007, с. 173).

Амгуньские эвенки сжигали одежду покойного с той целью, что все плохое уходит вместе с покойником, на могиле разбивали посуду, чтобы на том свете все было целое (Березницкий, 2009, с. 101).

Вещи умершего могли сжигать, «передавая посредством огня подношения потустороннему миру» (Тадина, 2009). После смерти человек перестает быть прежним...

Хакасы срезают с одежды все пуговицы, надрывают подол, надрезают обувь, веря, что одежда и обувь будет целой «на том свете все наоборот» (Кустова, 2009, с. 52).

А.Т. Толеубаев пишет, что угасание огня в очаге означало прекращение жизни семьи. Он констатирует, что в представлении казахов казан – очаг – является символом продолжения рода, функционирования семьи, поэтому казахская поговорка гласит:

«Если даже с женой разведешься, но никому не давай свой казан-ошак» (Толеубаев, 1991, с. 156–157).

Смысл «казан-ошак» в этнологии казахов имеет глубокий не только материальный, но и духовный аспект.

«Здесь в центре юрты, вокруг очага семейно-бытовые, социально-экономические, экологические и этнические нормы стабилизируются и происходит баланс во взаимоотношениях человека с окружающей средой» (Ергазы, 2012).

С представлениями казахов о том, что казан являлся символом достатка, связано особое, бережное отношение к этому предмету утвари: при переезде его вдевали в войлочный чехол (сломаный казан мог повлечь крах

семьи), его запрещалось переворачивать (во избежание голода и позора). Переворачивать вымытый казан разрешалось в случае, когда в доме есть ушедший в иной мир (Шаханова, 2014, с. 26). У казахов очаг с казаном являлся топографическим и сакральным местом в юрте. Этнографы отмечают, что одним из самых тяжелых проклятий было: «Пусть погаснет огонь в твоём очаге». В представлении казахов очаг является символом продолжения рода, функционирования семьи («Юрта в представлениях, верованиях и обрядах казахов»).

Из приведенных примеров можно заключить, что положение котла в могиле на боку и с намеренными повреждениями продиктовано существовавшими представлениями о потустороннем мире, о смерти.

Мы склонны считать, что помимо сохранившегося до наших дней представления о похоронах как времени – границы перехода в иной мир и о мире ушедших, где все было «наоборот», существовал еще один важный аспект. Он касается роли лидера в обществе воинственных кочевников, его ритуальных функций. Прав С.Н. Корневский, утверждая, что современники не знают как был устроен мир мертвых (в мифологии племен майкопско-новосвоодненской общности, как и любой другой общности). Поэтому нельзя утверждать, будут ли погребенные лидеры (племенная знать) вновь использовать посуду (теперь дырявую) и устраивать пиры в потустороннем мире (Корневский, 2005, с. 91).

По нашему мнению, нужно принимать во внимание то обстоятельство, что котел входил в разряд статусных предметов и чаще его выявляли в погребениях мужчин. Здесь, видимо,

прослеживается традиция, идущая с эпохи бронзы – времени кардинальных изменений в обществе – экономических, социальных, идеологических, мировоззренческих.

Ярко прослеживаемая символика власти в героическую эпоху ранних кочевников, конных воинов, в Европе фиксируется еще в эпоху бронзы. Особое влияние приобретали лидеры, не только умные, храбрые, удачливые предводители. Свой авторитет, в силу установившихся нового образа жизни, мышления, новых ориентиров и системы ценностей, отразившихся в сложении новых ритуалов и системы погребально-поминального цикла, лидер поддерживал в том числе способностью задать богатый пир (Метцнер-Небельзик, 2013, с. 207).

Цель такого рода действий (одна из ряда целей) – поддержание идеи власти или собственного положения в обществе. Поминальный пир, жертвоприношение, поединок или героизация воина – ритуализированные формы модели поведения, которые объединяли группу людей одинаковой социальной идентичности (Метцнер-Небельзик, 2013, с. 216–217). Способность вождя устроить пир – подчеркивала выдающуюся роль пира в воинской культуре.

Важна объединяющая роль верности воина своему вождю. Вождь распределял добычу и устраивал престижные пиры, укрепляя свой статус и власть. Эти пиршества имели не только воинский характер; и война, и пир приобретали сакральный характер и имели какое-то внутреннее сходство (Кардини, 1987, с. 144–145). В обрядовых пиршествах проступает очевидная связь с культами воинской доблести и героизированных предков.

В этнографии прослеживается то, что одним из этапов пиров было поминовение погибших героев, предков, воспоминания и рассказы о подвигах и др. Поминовение предков, ритуальное окропление, возлияние (жертвоприношение) были обязательными и в ходе проведения сезонных праздников в традиционных обществах. Очень показательны в этом отношении реликты мужских союзов (Бардавелидзе, 1957, с. 70–71). В совместных пиршествах типа «праздника заслуг» принимали участие воины. Очевиден сакральный характер пиршества, трапезы с участием мужчин-воинов.

Об этом же говорит В.А. Кисель (2010). Котел – один из тех сакральных символов, которые характерны для воинской кочевой среды. Среда, где зарождались скифские сакральные символы, это мужские молодежные союзы. Союзы молодежи обычно представляли собой братства, скрепленные имитацией кровнородственных отношений. Представители молодежных охотничье-воинских групп выделялись из общей массы родичей образом жизни, потреблением особой пищи, напитков, ношением особой одежды и атрибутов (Кисель, 2010, с. 231).

Связь пира и битвы сохранилась в культуре кочевников на века. Л.Н. Ермоленко выявила в героической эпике ассоциации битвы с пиром, воинского гнева – с опьянением (2008, с. 211). В эпосе герои-воины равно ждут битвы и пира. Автор приводит множество примеров, подтверждающих такое положение. Например, в «Мухаббат-наме» о воинах Мухаммеда говорится: «Вступают в битву, подобно тому, как входят на пир». Вино для батыров является поздней стадийной заменой

крови (Ермоленко, 2008, с. 212). Почетный напиток ассоциировался с героической доблестью в «Махабхарате». Известный специалист по тюрко-монгольскому эпосу Р.С. Липец выявила многообразие функций эпического пира и констатировала, что в развитых эпосах пир характеризуется, прежде всего, функциями кормления и одаривания членов дружины. В героическом эпосе выявляется и специфическое батальное значение чаши (пиршественного напитка) (Ермоленко, 2008, с. 214; Липец, 1982).

Чаша являлась аксессуаром эпического пира. В эпоху ранних кочевников таким аксессуаром мог являться котел. Связь чаши с доблестью прослеживается и в некоторых других воинских пиршественных обрядах – «чаша службы», которой скрепляют обязательство совершить подвиг. Атрибутом клятвенного ритуала являлось оружие и сосуд с напитком, смешанным с кровью. Батальная символика чаши выступает также в случаях, когда чаша упоминается в сочетании с оружием (Ермоленко, 2008, с. 215).

Чаша с напитком служила наградой герою у древних и средневековых народов (Ермоленко, 2008, с. 222).

Е.Ф. Королькова рассматривает сюжет «Священной охоты» в изобразительном искусстве древности в едином контексте со сценами битвы, пира и терзания животных. Поддерживая в целом точку зрения Д. Шеперда, она считает, что они имеют сакральный характер и связаны с мифологическим подтекстом. «Они отражают древнейший пласт мифологии с его концепцией мироздания, пониманием обеспечения и поддержания мирового порядка с его циклическим воспроизводством жизни и неизбежным пере-

ходом в иной мир, который является как бы резервуаром потенциальной жизни» (Королькова, 2003б, с. 64–65). Сакральное значение, символика котла сохранялись на протяжении веков. Так, в XVIII в. алтайцы платили дань джунгарам котлами и таганами. Сборщики дани в правом ухе носили подобие серьги – миниатюрный железный треногий таган для котла как знак власти (Кызласов, 1960, с. 80–81). Возможность не только бытового использования металлических котлов у кочевников предполагает и С.А. Плетнева: котел являлся символом власти и единения (Плетнева, 1982, с. 22–23). Действительно, котел представлял собой символическое выражение могущества, силы вождя и возглавляемого им объединения. Чем больше размеры котла или количество котлов, тем сильнее его владелец и больше количество людей, объединенных вокруг предводителя. Когда говорят о скифских котлах, то обычно приводят пример с рассказом Геродота (Геродот, 1972, кн. IV, 52), в котором описывается местность Эксампей, священные пути, где стоит медный сосуд царя Арианта. Большинство исследователей приходят к выводу о ритуальной сущности медных котлов, и Эксампей – это один из важных религиозных центров Скифии. Пир – ежегодные попойки с участием всех воинов – устраивал правитель (номарх), используя при этом «большой общий сосуд». Пить вместе с ним имели право лишь те воины, которые убили врага (Геродот, кн. IV, 66).

Одно из несомненных предположений, вытекающих из этого описания Геродота, – котел выступает как символ единства племени и его сакральный центр. Помимо жертвоприноше-

ний животными, котлы, несомненно, использовались для приготовления и хранения напитков. Известно, что ритуальное питье (возлияние) является одной из форм жертвоприношений, составной частью обрядового пиршества, а также тризны. Ж. Дюмезиль подчеркивал культовое значение пира в эпосе нартов, описывая волшебный сосуд Нартамонга, подтверждающий доблесть воина (Дюмезиль, 1990).

Упомянутый у нартов котел – огромный; предназначен для хмельного напитка (пиво), был единственным для всех членов общества, но в конечном итоге оказался у того, кто совершил выдающиеся подвиги. То, что владели таким котлом общества, возможно, свидетельствует о его ценности, о его объединяющем начале (Нарты, с. 272–273).

Таким образом, и в эпосе сохранились отголоски той связи, которая существовала между объединяющим сосудом с пьянящим напитком, общим собранием членов коллектива, военным характером общества. Понятно, вероятно, и традиция захоранивать котлы с их владельцами, предварительно совершив порчу предмета в связи с представлениями об ином мире и роли вождя-героя в нем.

Можно предположить, что намеренно поврежденные сосуды соединяли в себе представления о потустороннем мире, где все «наоборот» и принимало «правильный» вид, идею перехода воина-лидера в иной мир с необходимостью и там исполнять функции лидера, вождя, в том числе устраивать ритуальные пиршества.

Не исключается также возможность повреждения котла в могиле, совершенного в ходе ограбления грабителями.

Данная тема требует специального исследования. Одним из условий этого является сбор необходимого объема данных и составление сводки случаев нахождения намеренно поврежденных предметов инвентаря. Обращает внимание наличие фактов нахождения намеренно поврежденных изделий не только в погребальных памятниках, но и в культово-ритуальных сооружениях. Один такой случай, например, известен в Центральном Казахстане – речь идет о «прикладах» конской узды в жертвенниках, сооруженных вблизи курганов раннего железного века или же на периферии могильника предыдущего периода. В настоящее время подобные жертвенники в Центральном Казахстане открыты в значительном количестве и рассматриваются в качестве одной категории памятников тасмолинской культуры (Бейсенов, 2015а). Основная их часть объединяет те объекты, которые расположены вблизи курганных захоронений. Также известны жертвенники Акмустафа (Бейсенов, 2015б), Талдысай, сооруженные на периферии могильников эпохи бронзы.

Жертвенник Талдысай был исследован Ж.Е. Смаиловым на территории Улытауского района Карагандинской области в 1992 г. На периферии могильника эпохи бронзы находился курган 1 (согласно полевой документации объект был обозначен как курган), имеющий каменно-земляную насыпь округлой формы, диаметром около 10 м. Под насыпью была расчищена округлая каменная ограда диаметром 8,5–9 м. Внутри конструкции могильная яма и следы человеческого захоронения отсутствовали. Каменная ограда на восточной стороне имела небольшой разрыв. Напротив него,

внутри ограды, на древнем горизонте были найдены сложенные в кучку бронзовые предметы конского снаряжения, в том числе пара подпружных пряжек (застежка и блок) и двусоставные удила архаичного типа: двукольчатые с двуплановым расположением отверстий для крепления повода и псалия. Предметы были датированы VIII–VII вв. до н. э. Оба звена удила преднамеренно сломаны (Бейсенов, 2002). В жертвенниках проводились

определенные ритуальные действия, входящие в содержание сложных погребально-поминальных процессов. Нахождение предметов конской узда позволяет считать, что одним из важных направлений являлось ритуальное жертвоприношение коня. Таким образом, древний ритуал порчи предметов, задействованных в погребальных и поминальных процессах, по видимому, имеет достаточно широкое семантическое поле.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеевко Е.А.* Жизнь и смерть в представлениях народов бассейна Енисея // Мифология смерти. Структура, функция и семантика погребального обряда народов Сибири: Этнографические очерки / Науч. ред. Л.Р. Павлинская. СПб.: «Наука», 2007. С. 30–50.
2. *Бардавелидзе В.В.* Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси: ИИ им. И.А. Джавахшвили АН ГССР, 1957. 342 с.
3. *Бейсенов А.З.* К изучению памятников раннего этапа сакской культуры Центрального Казахстана // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Доклады международной научной конференции / Под ред. Е.В. Ярового. Тирасполь, 2002. С. 208–212.
4. *Бейсенов А.З.* Околокурганные жертвенники как разновидность памятников тасмолинской культуры // Вестник ТГУ История. 2015а. № 4 (36). С. 96–104.
5. *Бейсенов А.З.* Памятники верховьев реки Атасу в Центральном Казахстане // Вестник ТГУ. 2015б. № 3 (35). С. 11–122.
6. *Березницкий С.В.* Современные представления дальневосточных эвенков о душе и смерти // Сибирский сборник-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. I / Науч. ред. Л.Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 98–103.
7. *Боковенко Н.А., Засецкая И.П.* Происхождение котлов «гуннского типа» Восточной Европы в свете проблемы хунно-гуннских связей // Петербургский Археологический Вестник. 1993. № 3. С. 73–88.
8. *Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е.* Посуда из скифских погребальных комплексов Рогачикского курганного поля // Stratum plus. 2010. № 3. С. 289–323.
9. *Вертиченко А.В.* Образ Даэны в общеиранской ретроспективе // Ладога в контексте истории и археологии Северной Евразии. Сборник статей памяти Дмитрия Алексеевича Мачинского / Ред. В.Т. Мусбахова. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 39–51.
10. *Геродот.* История в 9 кн. Перевод и прим. Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. Кн. IV. 600 с.
11. *Глебов В.П.* Погребальная обрядность раннесарматской культуры Нижнего Подонья II–I вв. до н.э. // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III / Отв. ред. Г.Г. Матишов, Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 63–87.
12. *Демиденко С.В.* Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в до н.э. – III в. н.э.). М, 2008. 328 с., цв. ил.

13. Дьяченко В.И. Представления долган о душе и смерти. Отчего умирают «настоящие люди»? // Мифология смерти. Структура, функция и семантика погребального обряда народов Сибири: Этнографические очерки / Науч. ред. Л.Р. Павлинская. СПб.: Наука, 2007. С. 108–133.
14. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М.: Наука, 1990. 229 с.
15. Ергазы К. Казахская юрта и ее семантика // Интернет-ресурс: <http://pps.kaznu.kz/2/Main/FileShow2/23787/75/3/2/0/>. Дата обращения 21.06.2017 г.
16. Ермоленко Л.Н. Изобразительные памятники и эпическая традиция: по материалам культуры древних и средневековых кочевников Евразии. Томск: Изд-во Томского гос. пед. университета, 2008. 288 с.
17. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М.: Прогресс, 1987. 384 с.
18. Кисель В.А. Мир кочевников Евразии на фоне сакральных растений // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г. / Ред. Ю.К. Чистов, М.А. Рубцова. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 229–235.
19. Кисель В.А. Рассказ Геродота и ритуальные сосуды древних кочевников // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 3 (31). С. 69–79.
20. Корневский С.Н. Металлическая посуда майкопско-новосвободненской общности // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского / Гл. ред. В.И. Гуляев. Сб. статей. М.: ИА РАН, 2005. С. 82–92.
21. Королькова Е.Ф. «Священная охота» – мотив в изобразительном искусстве и возможное семантическое прочтение // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. II. Материалы научно-практической конференции, посв. 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова / Ред. Ю.Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2003б. С. 63–67.
22. Королькова Е.Ф. Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников // Материалы и исследования по археологии Евразии / АСГЭ. Вып. 36 / Отв. ред. А.Ю. Алексеев. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2003. С. 28–59.
23. Кузнецова Т.М. Социальные индикаторы в погребальном обряде скифов (бронзовые котлы) // Проблемы современной археологии. Сборник памяти В.А. Башилова / МИАР. № 10 / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: «Таус». 2008. С. 173–198.
24. Кустова Ю.Г. Сновидения и приметы, предвещающие смерть, у хакасов (полевые материалы) // Сибирский сборник-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. I / Науч. ред. Л.Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 49–53.
25. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н.э. – V в.н.э.). М.: Изд-во МГУ, 1960. 197 с.
26. Липец Р.С. Проблема взаимосвязи тюрко-монгольского эпоса с изобразительным искусством кочевников Евразии (Труды советских археологов 40–50-х гг.) // Очерки русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. IX / ред. Р.С. Липец. М.: АН СССР, 1982. С. 186–208.
27. Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы (Археологические и этнографические материалы по истории культуры и религии Средней Азии). М.: «Наука», 1978. 216 с. + 36 табл.
28. Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, 1988. 225 с.
29. Мелюкова А.И. Скифские памятники степи Северного Причерноморья. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1989. С. 51–66.

30. *Метцнер-Небельзик К.* Европейская символика власти эпохи бронзы // «Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетия до новой эры». Каталог выставки. СПб.: Изд-во «Чистый лист», 2013. С. 206–217.

31. *Мошкова М.Г.* Среднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1989. С. 177–191.

32. *Мошкова М.Г., Демиденко С.В.* Воинское погребение в кургане 37 группы VI Лебедевского могильного комплекса // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / МИАР Вып. 13 / Отв. ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова. М.: Таус, 2010. С. 254–261.

33. *Мухонад С.Е.* Сарматские погребения с бронзовыми котлами в Орельско-Самарском междуречье // Проблемы археологии Поднепровья / Отв. ред. И.Ф. Ковалева. Днепропетровск: ДГУ, 1986. – С. 136–143.

34. *Мышкин В.Н.* Погребальная обрядность социальной элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI–V вв. до н.э. (к проблеме формирования прохоровской культуры) // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии / Материалы и исследования по археологии юга России. Вып. III / Отв. ред. Г.Г. Матишов, Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 318–345.

35. *Нарты.* Осетинский героический эпос в трех книгах. Кн. 2. М.: Наука, 1989. 492 с.

36. *Новикова О.И., Дудко А.А.* Ритуальные комплексы на курганных могильниках ирменской культуры // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (62). Т. 6. С. 131–135.

37. *Плетнева С.А.* Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982. 188 с.

38. *Смирнов К.Ф.* Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М.: Наука, 1964. 379 с.

39. *Стратанович Г.Г.* Китайские бронзовые зеркала: их типы, орнаментация и использование // Восточно-Азиатский этнографический сборник. II. М., 1961. Труды ИЭ. Новая серия, т. LXXIII / Отв. ред. Г.Г. Стратанович, Н.Н. Чебоксаров. М.: Наука, 1961. С. 47–78.

40. *Тадина Н.А.* «Нет железа, которое не сломается, нет живого существа, которое не умрет» (представление о смерти в контексте картины мира алтайцев) // Сибирский сборник-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. I / Науч. ред. Л.Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 2009. 226 с. С. 65–72.

41. *Таиров А.Д.* Кочевники Урало-Иртышского междуречья в системе культур раннесакского времени восточной части степной Евразии // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т.1. Древние эпохи / Отв. ред. К.А. Акишев. Астана: Култегін, 2003. С. 157–179.

42. *Таксами Ч.М.* Представления нивхов о Вселенной и мире мертвых // Мифология смерти. Структура, функция и семантика погребального обряда народов Сибири: Этнографические очерки / Науч. ред. Л.Р. Павлинская. СПб.: Наука, 2007. С. 154–181.

43. *Толубаев А.Т.* Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов. (XIX – начало XX в.). Алма-Ата: Гылым, 1991. 214 с.

44. *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 172 с.

45. *Черников С.С.* Загадка золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». М.: Наука, 1965. 189 с.

46. *Чугунов К.В.* Культурные связи населения Тувы в раннескифское время (по материалам кургана Аржан-2) // Маргулановские чтения-2011 (Астана, 2022 апреля, 2011 г.) / Гл. ред. М.К. Хабдулина. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. С. 177–182.

47. *Шаханова Ш.Ж.* Символика предметов традиционного быта казахов // Известия НАН РК. 2014. № 1. С. 23–28.

48. Шульга П.И. Могильник Юйхуанмяо в северном Китае (VII–VI века до нашей эры). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. 304 с.

49. Юрта в представлениях, верованиях и обрядах казахов // Интернет-ресурс: http://www.unesco.kz/heritagenet/kz/content/mat_culture/dwelling/yurta-2.htm (дата обращения 21.06.2017)

Информация об авторах:

Бейсенов Арман Зияденович, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК (г. Алматы, Республика Казахстан); azbeisenov@mail.ru

Джумабекова Гульнара Саиновна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК (г. Алматы, Республика Казахстан); gdzhuma@mail.ru.

ANCIENT ITEM SPOILAGE RITUAL USED IN NOMADIC BURIAL RITE

A.Z. Beisenov, G.S. Dzhumabekova

The article considers the findings of items in ancient burials which were intentionally spoiled prior to deposition in graves. This tradition was widely spread both in terms of chronology and geography, and therefore cannot be attributed to any individual cultures or regions. The authors present new information on the ritual obtained during an investigation of Borsyk burial mound of the Middle Sarmatian period located in West Kazakhstan. The central grave of barrow 6 contained a heavily damaged bronze cauldron. The grave was looted in antiquity. Individual scattered bones of a human skeleton and minor gold foil adornments from the ceremonial dress of a nobleman were discovered in the grave. The authors suggest that the cauldron was intentionally deformed by the participants of an ancient mortuary and memorial ritual. According to the principal hypothesis concerning the essence of this ritual, spoilage of the items was related to the idea of assign the items with “different” and “transcendent” properties, which resulted from the necessity of burying the owner. Cauldrons played an important role in the life of steppe leaders. The authors assume a sacral nature of the use of cauldrons in the culture of steppe peoples associated with feasts, battles, and sacred hunting. Perhaps, there was a tradition of burying cauldrons together with their owners after spoiling the items in view of the concept of the other world and the role of a heroic leader therein.

Keywords: archaeology, the Early Iron Age, the Early Sarmatian period, West Kazakhstan, ritual item spoilage, bronze cauldron.

REFERENCES

1. Alekseenko, E. A. 2007. In Pavlinskaiia, L. R. (ed.). *Mifologiya smerti. Struktura, funktsiia i semantika pogrebal'nogo obriada narodov Sibiri: Etnograficheskie ocherki (Mythology of Death. Structure, Function and Semantics of the Funerary Rite of Siberian Peoples. Ethnographic Essays)*. Saint Petersburg: “Nauka” Publ., 30–50 (in Russian).
2. Bardavelidze, V. V. 1957. *Drevneishie religioznye verovaniia i obriadovoe graficheskoe iskusstvo gruzinskikh plemen (Ancient Religious Beliefs and Ritual Graphical Art of Georgian Tribes)*. Tbilisi: Institute of History of the GSSR named after I. A. Dzhavakhshvili of the GSSR Academy of Sciences (in Russian).

The work was conducted with financial support of the Science Committee under the Ministry of Science and Education of Kazakhstan. Projects: No.2987/ГФ4 “Ancient cauldrons of Kazakh steppe: analysis of a single subject category in time and space”; No. 2982/ГФ4 “Saryarka in the system of culture of the Early Iron Age in steppe Eurasia”.

3. Beisenov, A. Z. 2002. In Iarovoi, E. V. (ed.). *Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ia (V tys. do n.e. – V v. n.e.) (Ancient Communities of Agriculturers and Cattle Breeders of the Northern Black Sea Region (5th Millennium B.C. – 5th Century A.D.))*. Tiraspol, 208–212 (in Russian).
4. Beisenov, A. Z. 2015a. In *Vestnik TGU. Istoriiia. (Bulletin of Tomsk State University. History)* 36 (4), 96–104 (in Russian).
5. Beisenov, A. Z. 2015b. In *Vestnik TGU. (Bulletin of Tomsk State University)* 35 (3), 11–122 (in Russian).
6. Berezniiskii, S. V. 2009. In Pavlinskaia, L. R. (ed.). *Sibirskii sbornik-1: Pogrebal'nyi obriad narodov Sibiri i sopedel'nykh territorii. Kn. I (Siberian Collection of Articles-1: Funerary Rite of Peoples from Siberia and the Neighbouring Territories. Book 1)*. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, 98–103 (in Russian).
7. Bokovenko, N. A., Zasetkaia, I. P. 1993. In *Peterburgskii Arkheologicheskii Vestnik (Peterburg Archaeological Bulletin)* 3, 73–88 (in Russian).
8. Boltrik Yu. V., Fialko E. E. 2010. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3) 289–323 (in Russian).
9. Vertienko, A. V. 2014. In Musbakhova, V. T. (ed.). *Ladoga v kontekste istorii i arkheologii Severnoi Evrazii. Sbornik statei pamiati Dmitriia Alekseevicha Machinskogo (Ladoga in the Context of History and Archaeology of Northern Eurasia. Collection of Articles in Memory of Dmitry Alekseevich Machinsky)*. Saint Petersburg: “Nestor-Istoriiia” Publ., 39–51 (in Russian).
10. Gerodot. *Istoriiia v 9 knigakh (Herodotus. History in 9 books)*. 1972. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
11. Glebov, V. P. 2011. In Iablonskii, L. T., Luk'iashko, S. I. (eds.). *Pogrebal'nyi obriad rannikh kochevnikov Evrazii (Funerary Rite of the Original Eurasian Nomads)* III. Rostov-na-Donu: Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, 63–87 (in Russian).
12. Demidenko, S. V. 2008. *Bronzovye kotly drevnikh plemen Nizhnego Povolzh'ia i Iuzhnogo Priural'ia (V v do n.e. - III v. n.e.) (Bronze Cauldrons of Antient Tribes from the Lower Volga and the Southern Urals (5th Century B.C. – 3rd Century A.D.))*. Moscow (in Russian).
13. D'iachenko, V. I. 2007. In Pavlinskaia, L. R. (ed.). *Mifologiiia smerti. Struktura, funktsiia i semantika pogrebal'nogo obriada narodov Sibiri: Etnograficheskie ocherki (Mythology of Death. Structure, Function and Semantics of the Funerary Rite of Siberian Peoples. Ethnographic Essays)*. Saint Petersburg: “Nauka” Publ., 108–133 (in Russian).
14. Diumezil', Zh. 1990. *Skify i narty (Scythians and Narts)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
15. Ergazy, K. 2012. *Kazakhskaiia iurta i ee semantika (The Kazakh Yurt and its Semantics)*. Available at: <http://pps.kaznu.kz/2/Main/FileShow2/23787/75/3/2/0/> (accessed 21.06.2017)
16. Ermolenko, L. N. 2008. *Izobrazitel'nye pamiatniki i epicheskaia traditsiia: po materialam kul'tury drevnikh i srednevekovykh kochevnikov Evrazii (Graphical Monuments and Epic Traditoin: on the Materials of the Culture of Ancient and Medieval Eurasian Nomads)*. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University (in Russian).
17. Kardini, F. 1987. *Istoki srednevekovogo rytsarstva (Origins of Medieval Knighthood)*. Moscow: “Progress” Publ. (in Russian).
18. Kisel', V. A. 2010. In Chistov, Yu. K. (ed.). *Radlovskii sbornik: nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty MAE RAN v 2009 g. (Radlov Collection of Articles: Scientific Research and Museum Projects of the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences in 2009)*. Saint Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, 229–235 (in Russian).
19. Kisel', V. A. 2007. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 31 (3), 69–79 (in Russian).
20. Korenevskii, S. N. 2005. In Guliaev, V. I. (ed.). *Drevnosti Evrazii: ot rannei bronzy do rannego srednevekov'ia. Pamiati Valerii Sergeevicha Ol'khovskogo (Antiquities of Eurasia: from Early Bronze to Early Middle Ages. In Memory of Valerii Sergeevich Ol'khovskii)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 82–92 (in Russian).

21. Korol'kova, E. F. 2003b. In Piotrovskii, Yu. Yu. (ed.). *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e (Steppes of Eurasia in Ancient Times and the Middle Ages)* II. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 63–67 (in Russian).
22. Korol'kova, E. F. 2003. In Alekseev, A. Yu. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Evrazii (Materials and Studies on Eurasian Archaeology)*. Series: Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum) 36. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 28–59 (in Russian).
23. Kuznecova T. M., 2008. In Moshkova, M. G. (ed.). *Problemy sovremennoi arkheologii: Sbornik pamiati V. A. Bashilova (Issues of Contemporary Modern Archaeology: Collection of Papers in Memory of V. A. Bashilov)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Russian Archaeology) 10. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; "Taus" Publ., 173–198 (in Russian).
24. Kustova, Yu. G. 2009. In Pavlinskaia, L. R. (ed.). *Sibirskii sbornik-1: Pogrebal'nyi obriad narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii. Kn. I (Siberian Collection of Articles - 1: Funerary Rite of Peoples from Siberia and the Neighbouring Territories. Book 1)*. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, 49–53 (in Russian).
25. Kyzlasov, L. R. 1960. *Tashtykskaia epokha v istorii Khakassko-Minusinskoï kotloviny (I v. do n.e. – V v.n.e.) (Tashtyk Period in the History of Khakass-Minusinsk Hollow (1st Century B.C. – 5th Century A.D.))*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
26. Lipets, R. S. 1982. In Lipets, R.S. (ed.). *Ocherki russkoi etnografii, fol'kloristiki i antropologii (Essays on Russian Ethnography, Folkloristics and Anthropology)* IX. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 186–208 (in Russian).
27. Litvinskii, B. A. 1978. *Orudiia truda i utvar' iz mogil'nikov Zapadnoi Fergany (Arkheologicheskie i etnograficheskie materialy po istorii kul'tury i religii Srednei Azii) (Implements and Utensils from Burial Grounds of West Fergana (Archaeological and Ethnographic Materials on the History of Culture and Religion of Central Asia))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
28. L'vova, E. L., Oktiabr'skaia, I. V., et al. 1988. *Traditsionnoe mirovozzrenie tiurkov Iuzhnoi Sibiri. Prostranstvo i vremia. Veshchnyi mir (Traditional Philosophy of the Turks from Southern Siberia. Space and Time. Material World)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
29. Meliukova, A.I. 1989. In Rybakov, B. A. (ed.). *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (Steppes of the Eurasian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Period)*. Moscow: "Nauka" Publ., 51–66 (in Russian).
30. Metsner-Nebel'zik, K. 2013. In *Bronzovyi vek. Evropa bez granits. Chetvertoe – pervoe tysiacheletie do novoi ery (The Bronze Age. Europe without Borders. Fourth – First Millennia Before the Common Era)*. Katalog vystavki. Saint Petersburg: "Chisty list" Publ., 206–217 (in Russian).
31. Moshkova, M. G. 1989. In Rybakov, B. A. (ed.). *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (Steppes of the European Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Period)*. Moscow: "Nauka" Publ., 177–191 (in Russian).
32. Moshkova, M. G., Demidenko, S. V. 2010. In Gerasimova, M. M., Malashev, V. Yu., Moshkova, M. G. (eds.). *Arkheologiya i paleoantropologiya evraziiskikh stepei i sopredel'nykh territorii (Archaeology and Paleoanthropology of Eurasian Steppes and Adjacent Territories)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Russian Archaeology) 13. Moscow: "Taus" Publ., 254–261 (in Russian).
33. Mukhopad, S. E. 1986. In Kovaleva, I. F. (ed.). *Problemy arkheologii Podneprov'ia (Archaeological Issues of the Dnieper Region)*. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State university, 136–143 (in Russian).
34. Myshkin, V. N. 2011. In Matishov, G. G., Iablonskii, L. T., et al. (eds.). *Pogrebal'nyi obriad rannikh kochevnikov Evrazii / Materialy I issledovaniia po arkheologii uga Rossii (Funerary Rite of the Early Nomads of Eurasia. Series Materials and Studies on Archaeology of South of Russia) III*. Rostov-na-Donu: Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, 318–345 (in Russian).
35. *Narty. Osetinskii geroicheskii epos v trekh knigakh (Narty. Ossetian Heroic Epos in Three Books)* 2. 1989. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

36. Novikova, O. I., Dudko, A. A. 2015. In *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Kemerovo State University)* 62 (2), 131–135 (in Russian).
37. Pletneva, S. A. *Kochevniki srednevekov'ia. Poiski istoricheskikh zakonemernostei (Nomads of the Middle Ages. Searches for Historical Patterns)*. 1982. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
38. Smirnov, K. F. 1964. *Savromaty. Ranniaia istoriia i kul'tura sarmatov (Sauromatians. Early History and Culture of Sarmatians)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
39. Stratanovich, G. G. 1961. In Stratanovich, G. G., Cheboksarov, N. N. (ed.). *Vostochno-Aziatskii etnograficheskii sbornik / Trudy Instituta Etnografii. Novaya seria (East-Asian Ethnographic Collection of Articles. Proceedings of the Institute of Ethnography. New Series)* II. Moscow: "Nauka" Publ., 47–78 (in Russian).
40. Tadina, N.A. 2009. In Pavlinskaia, L. R. (ed.). *Sibirskii sbornik-1: Pogrebal'nyi obriad narodov Sibiri i sopedel'nykh territorii. Kn. I (Siberian Collection of articles -1: Funerary Rite of Peoples from Siberia and the Neighbouring Territories. Book 1)*. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, 65–72 (in Russian).
41. Tairov, A. D. 2003. In Akishev, K. A. (ed.). *Stepnaia tsivilizatsiia Vostochnoi Evrazii (Steppe Civilization of Eastern Eurasia)* 1. Astana: "Kultegin" Publ., 157–179 (in Russian).
42. Taksami, Ch. M. 2007. In Pavlinskaia, L. R. (ed.). *Mifologiiia smerti. Struktura, funktsiia i semantika pogrebal'nogo obriada narodov Sibiri: Etnograficheskie ocherki (Mythology of Death. Structure, Function and Semantics of the Funerary Rite of Siberian Peoples. Ethnographic Essays)*. Saint Petersburg: "Nauka" Publ., 154–181 (in Russian).
43. Toleubaev, A. T. 1991. *Relikty doislamskikh verovaniia v semeinoi obriadnosti kazakhov. (XIX-nachalo XX v.) (Relics of Pre-Islamic Beliefs in the Family Ritualism of the Kazakhs)*. Alma-Ata: "Gylym" Publ. (in Russian).
44. Khazanov, A. M. 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov (Essays on Sarmatian Warfare)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
45. Chernikov, S. S. 1965. *Zagadka zolotogo kurgana. Gde i kogda zarodilos' "skifskoe iskusstvo" (Mystery of the Golned Burial Mound. Where and When "Scythian Art Originated")*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
46. Chugunov, K. V. 2011. In Khabdulina, M. K. (ed.). *Margulanovskie chteniia-2011 (Margulan Readings-2011 (Astana, April 20th–22nd, 2011))*. Astana: L.N.Gumilyov Eurasian National University, 177–182 (in Russian).
47. Shakhanova, Sh. Zh. 2014. In *Izvestiia Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan)* 1, 23–28 (in Russian).
48. Shul'ga, P. I. 2015. *Mogil'nik Iuikhuannmiao v severnom Kitae (VII–VI veka do nashei ery) (Iuikhuannmiao Burial Mound in Northern China (7th–6th Centuries B.C.))*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
49. *Iurta v predstavleniakh, verovaniakh i obriadakh kazakhov (Yurt in Perceptions, Beliefs and Rites of the Kazakhs)*. Available at: http://www.unesco.kz/heritagenet/kz/content/mat_culture/dwell-ing/yurta-2.htm. (accessed 21.06.2017)

About the Authors:

Beisenov Arman Z., Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko Str., 28, Almaty, 050010, the Republic of Kazakhstan; azbeisenov@mail.ru

Dzhumabekova Gulnara S., Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko Str., 28, Almaty, 050010, the Republic of Kazakhstan; gdzhuma@mail.ru.

Статья поступила в номер 25.06.2016 г.